

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ВЕЛИКИЙ
НОВГОРОД
И
СРЕДНЕВЕКОВАЯ
РУСЬ

Сборник статей

*к 80-летию
академика В.А. Янина*

Москва
"Памятники исторической мысли"
2009

ББК 63.3(2)4

В27

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Н.А. Макаров (ответственный редактор),
член-корреспондент РАН П.Г. Гайдуков, кандидат исторических наук Н.В. Лопатин,
член-корреспондент РАН Е.Н. Носов, доктор искусствоведения Вл.В. Седов

Рецензенты:

доктор исторических наук А.Е. Леонтьев
кандидат исторических наук С.Д. Захаров

В27 Великий Новгород и Средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В.Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 700 с.: ил.

ISBN 978-5-88451-246-7

Книга подготовлена к юбилею выдающегося российского историка и археолога академика В.Л. Янина. В трех частях сборника содержатся статьи по проблемам археологии, истории, вспомогательных исторических дисциплин, летописания, литературы и искусства Новгорода и средневековой Руси, а также сопредельных стран в хронологических рамках VIII–XVII веков.

Широкий тематический диапазон включенных в сборник статей соответствует основным научным интересам юбиляра.

ББК 63.3(2)4

На фронтисписе фото работы Е. В. Гордюшенкова (2009 г.)

ISBN 978-5-88451-246-7

© Институт археологии РАН, 2009
© Коллектив авторов, 2009

А.А. Гиппиус

БЕРЕСТЯНОЕ «ХИТРОСПЛЕТЕНИЕ» XII в. (ГРАМОТА № 88)

Новгородская берестяная грамота № 88, найденная на Неревском раскопе в 1953 г., оставалась до сих пор документом без текста: не прочитанная по горячим следам находки, она в дальнейшем не привлекла к себе ничего внимания. Несмотря на это, документ может быть памятен тем, кому приходилось держать в руках первые тома «Новгородских грамот на бересте», — как по своему необычному внешнему виду, так и по замечательному комментарию А.В. Арциховского, полностью воспроизводимому ниже на рис. 1¹.

Рис. 1. Грамота № 88 и комментарий А.В. Арциховского к ней

¹ Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 14.

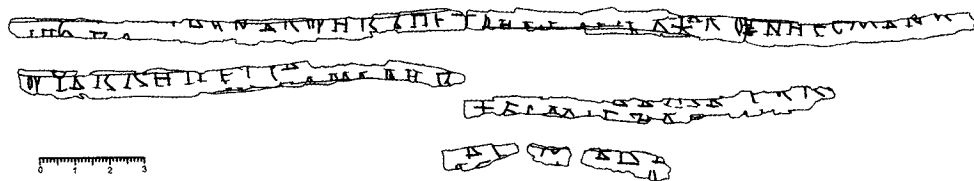

Рис. 2. Прорись грамоты № 88

Сквозящая в заключительных словах досада публикатора на древнего новгородца, столь изысканным способом сделавшего документ нечитаемым, возможно, явилась причиной того, что ни прорись, ни фотография грамоты в расплетенном виде в издании помещены не были.

Для автора этих строк стала поэтому полной неожиданностью встреча с подлинником грамоты, происшедшая в июне 2006 г. в ходе цифровой съемки берестяных документов из собрания ГИМ. Легший на фотографический стол документ представлял собой четыре берестяных полоски длиной 15, 13, 12,7 и 10,7 см и еще три мелких фрагмента (2,5, 2 и 1,2 см; на рисунке в издании они изображены отдельно) (рис. 2). В общей сложности эти фрагменты содержали остатки около восьми десятков букв! Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что отказ А.В. Арциховского от попытки что-либо разобрать в тексте грамоты («прочесть ничего нельзя») был вызван лишь недостаточностью имевшегося в то время опыта прочтения подобного рода документов. Будь грамота найдена сегодня, судьба ее несомненно была бы иной; однако обстоятельства сложились так, что первое чтение документа состоялось спустя более полувека после находки.

Тот факт, что в расплетенном состоянии грамота состоит из четырех полосок, объясняется структурой самого переплетения: несложный эксперимент показывает, что для ее получения необходимо именно четыре берестяных ленточки – не больше и не меньше. Как выяснилось при обследовании фрагментов, две из четырех полосок первоначально составляли одну длинную (более 28 см) полосу, которая впоследствии была разорвана (разрезана?) посередине; разлом прошел в точности по мачте буквы Т в слове *Петрилъ*. Аналогичным образом, из более длинных лент, могли быть получены и две другие полоски. Действительно, читаемые в них фрагменты текста удается состыковать между собой путем простой и высоковероятной конъектуры (см. ниже).

По-видимому, прочитав грамоту, адресат поступил с ней следующим образом: разорвав берестяной лист вдоль волокон на несколько полос («пощепавши грамоту», как это действие обозначено в грамоте № 881), он взял две несмежные полоски, разделил их пополам и из полученных четырех ленточек сделал свою плетенку. Существующие отдельно три мелких фрагмента должны были в таком случае принадлежать одной из этих ленточек. Подходящее место для них, действительно, обнаруживается: составляемая из нижних частей букв последовательность – [# e] (c) [мь бы] – находит точное соответствие в одной из полос, где сохранились верхние части букв той же последовательности.

Взаимно скоординированные таким образом фрагменты дают следующий текст:

...[з]---[ив]ан[ъ]коуикъпетри[лѣ]-[є]ь[д]ѣлониесьма...
 ...ш[аго]...
 оучьклипетръ...
 ...[а]моанв... ...[вѣ]ж[ьт]ак[о]...
 ...ѣє[с]мьбы...

То же со словоделением и наиболее надежными конъектурами:

...[з]- (къ) [ив]ан[ъ]коу и къ петри[лѣ] (с)[є]ь[д]ѣ лони есьма на...
 ...ш[аго]...
 оучькли петръ...
 ...(т)[а]мо а ив(анъкоу по)[вѣ]ж[ьт]ак[о]...
 ...ѣє[с]мь вы(лѣ)...

В первой строке с полной надежностью прочитываются имена адресатов: *къ Иванъку и къ Петрилѣ*. Окончание строки представляет для интерпретации значительные трудности. Они усугубляются тем, что текст в данном месте был правлен в процессе написания, а именно: между *ѣ* и *л* вписано над строкой, но потом зачеркнуто одной горизонтальной чертой еще одно *л*; после *о* в *лони* зачеркнуто несколькими горизонтальными штрихами первоначально написанное *у*. Надежно вычленяется словоформа *есьма*. Предыдущее слово, с учетом исправления *оу* → *о*, вряд ли может быть трактовано иначе как наречие *лони* ‘в прошлом году’. От предшествующего текста (после окончания имени) видны следующие начертания. Первая буква не сохранилась. Вторая, третья и четвертая, хотя от них сохранились только верхние части, уверенно определяются как *е*, *с* и *ь* (начертания *е* и *с* в грамоте различаются, а верхушка от *ь* не может принадлежать *ѣ*, так как находится слишком близко к предыдущей букве). Далее следуют сохранившиеся частично, но тем не менее надежно идентифицируемые *д* и *ѣ*. Последовательность *есьдѣ* в тексте первой половины XII в., записанном в стандартной графической системе, может соответствовать лишь сочетанию *се съдѣ*. Основной текст письма начинался, таким образом, словами: *(С)е съдѣ лони есьма...* ‘Вот, здесь, в прошлом году, я...’ – далее, вероятно, следовала форма *л*-причастия, начинавшаяся с *на-* (типа *надѣшилъ*, *нарекълъ* и т.п.).

Остается понять логику произведенной правки. Трудно представить себе, чтобы писец без особых на то оснований написал *лоуни* вместо *лони* и вписал перед этим словом еще одно *л*. Следует думать, что оба исправления были вызваны какой-то перестройкой фразы, на которую по ходу порождения текста решился писавший. Вероятной представляется следующая реконструкция. Написав *се съдѣ*, писец начал писать какое-то слово, начинавшееся на *лоу-*, однако затем решил вставить после обстоятельства места (*съдѣ*) обстоятельство времени (*лони*). Он собирался вписать это слово над строкой и уже успел написать начальное *л*, однако затем передумал, зачеркнул его и превратил в *лони* слово, начинавшееся на *лоу-*, зачеркнув второй элемент диграфа *оу* и дописав слог *ни*. Слово на *лоу-* должно было в таком случае разместиться в продолжении фразы. О том, что это было за слово, можно лишь гадать. Учитывая, что остатки букв в начале второй строки складываются в последовательность *шго*, допустимо предположить, что переме-

щению подверглась словоформа *лоуцьшаго* и что объектом действия, совершенного автором, был кто-то из знатнейших («лучших») жителей города (ср. в № 246: *хоцоу ти выроути въ тѣ лоуцьшаго новъгорожанина*).

В начале третьей строки уверенно вычленяется форма перфектного причастия *оучькли*, с рефлексом праславянского *tl «псковского» типа (= стандартн. др.-русск. *оучьли*). Данное написание представляет большой лингвистический интерес, поскольку перфекты типа *блוגлися, повегле*, хорошо известные из псковских источников, в корпусе берестяных грамот до сих пор не были засвидетельствованы. Замечательным образом, другой аналогичный пример – *соцклосо* (= *сочлосо*) – был практически одновременно выявлен А.А. Зализняком в грамоте № 211 (середина XIII в.), при изучении ее нового цифрового снимка. Оказалось, таким образом, что два ярких примера данного явления имелись уже в составе первых трех сотен берестяных документов и лишь не были до сих пор идентифицированы.

Читаемое далее имя *Петръ*... едва ли представляет собой форму именительного падежа (согласовать ее со сказуемым во множественном числе можно, лишь предположив, что вместе с Петром действовали и были названы еще по меньшей мере два человека, что маловероятно); более вероятная, на наш взгляд, альтернатива состоит в том, что перед нами зависящая от *оучькли* форма винительного (=родительного) падежа – *Петръ(ка)* – или дательного падежа – *Петръ(коу)* (см. у Даля: «его усчитали, учли на сто рублей, правят с него»²; у Т. Фенне: *jas tebe vtzkle tzto tÿ otzkles / Ich hebbe idt dÿ berekendt, dattu dÿ forteldt heffst*³ – ‘Я у тебя вычел то (ту сумму), на что ты обсчитался’). По-видимому, подвергшийся «учету» Петр (Петрок) – лицо, отличное от второго адресата грамоты, Петрилы, что подчеркивается и употреблением иной формы имени.

Наречие *[т]амо*, с которого начинается сохранившаяся часть следующей строки, соотносится с *сѣдѣ* в начале грамоты и, видимо, завершало первую часть основного сообщения. Для начала второй части высоковероятна конъектура: *А Ив(анъкоу по)[вѣ]ж[ь т]ак[о]...* Поскольку трудно себе представить, чтобы в грамоте помимо двух разных Петров упоминались еще и два разных Ивана, следует думать, что слова эти имеют в виду первого адресата грамоты, Иванка (реконструкция *Ив(анъкоу)*, а не *Ив(аноу)*, обусловлена именно этим соображением). Обращены же они, надо полагать, к ее второму адресату, Петриле, которого автор просит довести до сведения Иванка адресованную тому часть сообщения.

К сожалению, в том объеме, в каком текст грамоты сохранился и поддается реконструкции, он позволяет составить лишь самое общее представление о характере документа. Адресованное Иванку и Петриле письмо носило официальный характер (о чем свидетельствует начальное *се*), упоминало некую акцию, предпринятую автором в прошлом году, и какие-то деньги, вычтенные из дохода Петрока.

Из этой информации наибольший исторический интерес представляют имена адресатов документа. Указанная в издании стратиграфическая дата – рубеж XI–XII вв. В хронологическом реестре А.А. Зализняка, учитывающем результаты ра-

² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 517.

³ Tönnies Fenne's Low German manual of spoken Russian, Pskov 1607: An electronic text edition / Pepijn Hendriks and Jos Schaeken // <http://website.leidenuniv.nl/~hendriksp1/fenne/fenne10.pdf> 353. P. 353.

боты П.Г. Гайдукова по уточнению стратиграфических датировок грамот Неревского раскопа, грамота отнесена к рубрике 1120–1140⁴. В этот период христианские имена были распространены в Новгороде преимущественно в аристократической среде и даже в ней составляли еще меньшинство. Тот факт, что их носят оба адресата грамоты, может поэтому рассматриваться как свидетельство их высокого социального статуса. Именно в эти годы на страницах Новгородской 1 летописи соединены имена двух видных политических деятелей эпохи – Иванка Павловича и Петрилы Микульчича. Оба они занимали должность посадника: Петрила – в 1130–1134 гг., Иванко – кратковременно в 1134 г., когда посадничество было отнято у Петрилы и передано ему в ходе незавершенного похода на Суздаль («и на томъ же пути отяша посадництво у Петрила и даша Иванку Павловиццо»). В том же году, в трагической для Новгорода битве при Ждане-горе, которой закончился новый поход на Суздаль, оба боярина погибли («...и убиша посадника новгородскаго Иванка, мужа храбра зѣло, мѣсяця геньваря въ 26 и Петрила Микульчица и много добрыхъ мужъ»⁵).

Соперничество Петрилы Микульчича и Иванка Павловича В.Л. Янин убедительно объясняет принадлежностью их к противоборствующим боярским группировкам Неревского и Людина концов. Этот вывод базируется на сопоставлении летописных данных с материалом берестяных грамот. Боярский клан, к которому принадлежал Петрила Микульчич, проявляется в серии грамот Неревского раскопа конца XI – 30-х гг. XII в., в которых упоминаются Микула (№ 109), Петр (№ 336), Коснятин (№ 241) (последний предположительно отождествляется с братом Петрилы, Константином Микульчичем, посадничавшим в 1136–1137 и в 1146–1147 гг.)⁶. Иванко Павлович и его отец опознаются в персонажах грамот того же периода, происходящих с Троицкого раскопа (№ 586, 633 – Иван, 736 – Иван, Павел, 745 – Павел).

Таким образом, оба исторических деятеля, с которыми мы склонны отождествлять адресатов грамоты № 88, уже встречались среди фигурантов берестяной переписки. Заметим, что в грамотах, до сих пор связывавшихся с ними, эти лица выступают под своими каноническими именами Петр и Иван. В нашем случае совпадают с летописными упоминаниями не только имена, но и гипокористические формы: Иванко и Петрила (Петрило)⁷, при том, что у обоих имен имелись и другие гипокористики (ср. упоминание в основном тексте грамоты Петрока, относящееся, как мы предположили выше, к другому лицу). Надежность отождествления от этого существенно возрастает.

Дополнительным доводом в пользу предложенной идентификации может служить то обстоятельство, что адресованное Иванку и Петриле письмо было най-

⁴ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. С. 146.

⁵ НПЛ. С. 22–23.

⁶ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 8–9; Буров В.А. О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951–1962 гг.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 119–125.

⁷ Разница в морфологическом роде (в грамоте – женский, в летописи – мужской) в данном случае не существенна: такого рода колебания при именовании одного и того же лица в летописи обычны.

дено в Неревском конце. Слова «А Ив(анъкоу) повѣжь тако...» мы трактовали выше как указание Петриле довести до сведения Иванка адресованную тому часть сообщения; из этого следует, что письмо было доставлено по месту жительства второго адресата. Петрила Микульчич, как мы знаем, был неревским боярином.

Соединение в адресной формуле грамоты № 88 имен лидеров двух крупнейших боярских группировок Новгорода – факт в высшей степени примечательный и при этом не уникальный. Ближайшую аналогию нашему документу составляет грамота № 226, найденная также на Неревском раскопе в слое конца XII в. Сохранившееся в виде фрагмента, это письмо, судя по упоминанию в нем полюдья, также носило официальный характер. Его адресаты, Иванко и Мирошка, были ранее отождествлены нами с упоминаемыми совместно в рассказе НІЛ о событиях 1196–1197 гг. посадником Мирошкой Несдиничем, принадлежавшим к людинскому боярству, и Иванком, в котором анализ летописного повествования позволяет видеть предводителя боярства Неревского конца⁸.

Располагая двумя документами со столь неординарной адресацией, нельзя не задумываться о ее институциональной природе. Автор грамоты № 226 обращается к адресатам как к некоей властной инстанции, при этом посадник (Мирошка Несдинич) характерным образом назван вторым. Аналогичную структуру демонстрируют адресные формулы пяти грамот XII в. с Троицкого раскопа: четырех писем с усадьбы Е, адресованных Петру (Петроку) и Якше (№ 812, 821, 870, 875), и грамоты № 603 (от Смолига к Гречину и Мирославу). Адресаты этих текстов с высокой вероятностью отождествляются с историческими лицами: это боярин Петр Михалкович – тесть князя Мстислава Юрьевича, его сын Олисей-Гречин Петрович, а также посадники Якун Мирославич (Якша) и Мирошка (Мирослав) Несдинич⁹. Во всех перечисленных документах имя посадника стоит на втором месте. Распространяя эту закономерность на грамоту № 88, ее следует относить ко времени посадничества Петрилы Микульчича.

Кто же были первые адресаты названных писем? В.Л. Янин, отвечая на этот вопрос применительно к Петру (Петроку), видит в нем представителя княжеской стороны в «сместном» суде князя и посадника, местопребыванием которого в XII в. служила, по мысли исследователя, усадьба Е. Вторая позиция имени посадника получает в таком случае логичное объяснение: за первым адресатом стоит фигура князя¹⁰. Это построение встречается, однако, со следующим затруднением: расположение усадьбы Е в центре Людина конца подразумевает, скорее, кончанский, чем общегородской характер находившейся здесь судебной инстанции; существование аналогичной структуры естественно предполагать и для других концов Новгорода. Развивая гипотезу В.Л. Янина, мы предложили трактовать эти кончанские судебно-административные центры как «филиалы» общеновгород-

⁸ Гиппиус А.А. Комментарий к берестяной грамоте № 226 // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: Мат. междунар. конф. (Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.). М., 2003. С. 50–56.

⁹ См.: Гиппиус А.А. Петр и Якша: К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // НИС. СПб., 2003. 9 (19). С. 18–31; *Он же*. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII в. // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004. С. 164–182.

¹⁰ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 11–15.

ского сместного суда, в которых место князя занимал кончанский староста¹¹. Таковыми старостами и могли быть первые адресаты наших грамот: Иванко Павлович (№ 88), Петр Михалкович (№ 812, 821, 870, 875)¹², Олисей-Гречин Петрович (№ 603) – в Людине конце, и Иванко (№ 226) – в Неревском. Это, разумеется, – лишь догадка, подтвердить или опровергнуть которую смогут новые находки.

Возвращаясь к грамоте № 88, коснемся вопроса о ее возможном авторе. Хотя от его обозначения сохранилась лишь одна буква, и то отчасти, начертание это при ближайшем рассмотрении оказывается чрезвычайно информативным. Примерно на четвертой влево позиции от *и* в *[ив]ан[ъ]коу* (что, с учетом предлога *къ*, несомненно предшествовавшего имени, соответствует предпоследней букве словоформы) отчетливо виден изогнутый «хвост» от *з* или *у*. Однако *у* в грамоте имеет форму, с которой подобная форма «хвоста» сочетаться никак не может, – следовательно, это *з*. Христианских или славянских языческих имен с исходом на *з* не известно; нет также никакой возможности предполагать в грамоте столь раннего времени адресную формулу со словом *приказъ*. Существует, конечно, вероятность того, что автор носил какое-то неславянское имя (вроде прибалт.-финн. *Вельяказ*, встретившегося в грамоте № 2 XIV в.), или имел прозвище вроде *Рагоза*, но она чрезвычайно мала.

На этом фоне наиболее вероятным, если не единственно приемлемым, оказывается решение, которое сразу же находится, как только мы допустим, что вместо имени автора в тексте указывался его титул: (*Отъ кня*)[*з*](*къ*) [*Ив*]ан[ъ]коу и къ Петри[лѣ]. С такой реконструкцией хорошо согласуется торжественно-официальное начало письма («Се съдѣ лони...»), равно как и предписание *Иванъкоу повѣжь тако*, обращенное к новгородскому посаднику, – автор грамоты явно был по положению не ниже ее высокопоставленных адресатов, и князь подходит на эту роль как никто другой. Упоминание князя без имени для берестяных грамот является нормой, в том числе и в составе адресной формулы (ср. *къ князоу* и *къ Петръкоу* в № 872). В рассматриваемый период обладателем новгородского стола был Всеволод Мстиславич. Если наши выкладки верны, автором письма к Иванку и Петриле следует считать именно его.

Случайно ли, что в форме необычного переплетения, какую в момент находки имела грамота № 88, до нас дошло единственное в корпусе берестяных документов княжеское письмо? Получатель этого письма имел основания обойтись с ним более уважительно, чем с заурядной бытовой запиской. Впрочем, «подобные вещи и теперь делают люди во время ожидания или общего разговора».

¹¹ Гиппиус А.А. О нескольких персонажах... С. 180.

¹² Не исключено, что в одной из грамот, адресованных Петру и Якше (№ 821), Петр прямо называется старостой: заключительная фраза этого письма – *и суди староста и не слеу* – ‘пусть судит староста и не будет молвы’, – скорее всего, относится именно к нему (см. обоснование такой трактовки: Гиппиус А.А. О нескольких персонажах... С. 180–181). Кончанским старостой мог быть и Рагуил «старший», адресат грамоты № 831, происходящей из того же археологического комплекса.